

«ГОВОРЮ О ТОМ, ЧТО ЛЮБЛЮ И НЕНАВИЖУ»

Побеседовать до начала вечерней репетиции не удалось. «Если есть время, подождите, пока мы закончим», — предложил Константин Райкин. «Идет», — легкомысленно согласился я, не подозревая, что репетиция Московского государственного театра миниатюр продлится без малого четыре с половиной часа. Так что беседа началась в необычное для интервьюирования время — в половине двенадцатого ночи.

— Константин Аркадьевич, вы не раз беседовали с журналистами, и, очевидно, некоторые вопросы при этом повторяются. Может быть, определите наиболее стандартные и выведем за рамки нашего разговора!

— Ну отчего же. Спрашивайте, что считаете нужным.

— В таком случае начнем с традиционного — о вашем творческом пути.

— Пусть традиционный вопрос, но зачем высокопарно? Этак вы еще начнете спрашивать о «призвании»... Все ведь намного проще. Я родился и вырос в театральной семье. Отец — мама, сестра, ее муж — все актеры. Это во многом предредило мое будущее. В то же время мучился, боялся: нет ли в моем выборе инерции? Во мне развито самолюбие; невыносимо было представлять, что кто-то скажет: «Райкин-младший стал актером по отцовской протекции»...

И все-таки, несмотря на все страхи, чем больше выросл, тем сильнее тянуло к театру. И в какой-то момент почувствовал: я, видимо, без этого не могу...

— Вспоминаю, как однажды видел ваше выступление по телевидению в передаче «Вокруг смеха»...

— Не стоит об этом. Честно говоря, разговоры о моих выступлениях раздражают.

— ?

— Ну, конечно, раздражают. Я работаю в театре четырнадцать лет, за плечами сорок ролей, из них шестнадцать главных. Играл персонажей Шекспира, Альфреда де Мюссе, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. По сравнению с этим участие в нескольких ТВ-программах — одна миллионная сделанного. Однако судят обо мне зачастую как раз по телевизионным выступлениям. В общем-то, естественно: аудитории ТВ и театра несравнимы по масштабам. В то же время это все равно как если бы о предпринятии тяжелой промышленности судили по ширпотребу, которое оно выпускает вместе с главной продукцией. Разве не обидно?

— Пожалуй. Но я имел в виду другое. В той передаче вы изображали обитателей зоопарка. Причем изображали мастерски. По-моему, в этом проявилась склонность к пародии, пародированию. Я не ошибся?

— Как вам сказать... Изображая, допустим, спесивую павлина, я стремился не столько спародировать ее, сколько показать, что кое-кому из людей присуща в жизни павлинья спесь. Вот что здесь главное.

Что касается вообще пародии, то она меня мало привлекает. Ведь пародист, копируя чужой стиль и чужой голос, не использует свой собственный. Мне кажется, пародия по своей природе не может быть высоким жанром. Не случайно Геннадий Хазанов, начинавший с подражания Аркадию Райкину, Николаю Озерову или Роберту Рождественскому, сейчас от этого отказался. Выступая с сатирическими миниатюрами, он как бы выходит на новый уровень мастерства.

Если уж зашла речь об эстрадном актере, хочу сказать вот о чем. По-моему, у нашей эстрады есть серьезная бо-лезнь. Выступает немало талантливых людей, но многие из них страдают отсутствием хорошей школы. Актерская школа — это вовсе не абстракция. Это тонкий вкус, высокая степень качества репертуара, выступления. У нас практически не занимаются воспитанием эстрадных актеров. Часто они «сами себя делают», упуская при этом массу компонентов. Отцовские спектакли помимо всего прочего ценны еще и тем, что это — колоссальная

прививка вкуса, сценической культуры, манер поведения. В обычном выходе «на поклон» отца не меньше искусства, чем в исполнении миниатюр. Это не случайно, ведь он пришел на эстраду из драматического театра, и воспитывал его прекрасный ленинградский режиссер и педагог Владимир Николаевич Соловьев.

— Давайте вернемся к вам. В свое время вы сыграли две кинороли: ловкий плутоватый слуга в «Труффальдино из Бергамо» и беззаботный весельчак — придворный в шекспировском «Много шума из ничего». Ну а какие черты присущи вам в жизни?

— Трудно ответить... Пожалуй, воздержусь. Рискованно, не хочу быть необъективным. По-моему, в каждом заложено свойство видеть себя чуть-чуть сквозь розовые очки.

— Какие роли вы предпочитаете?

— В своих ролях я хочу проявлять свои пристрастия, выражать свою боль, говорить о том, что люблю и ненавижу. Предпочитаю гротескные роли, в которых преувеличение густо замешано на правде, реальности. Люблю играть Гоголя, Шекспира, Достоевского...

— А из современных авторов?

— С нашим театром сотрудничают несколько интересных драматургов — сатириков. Назову ленинградцев Михаила Мишина и Семена Альтова. Спектакли по их пьесам (соответственно «Лица» и «Мир дому твоему») увидят волгоградские зрители в дни наших гастролей.

— Ваше отношение к Михаилу Жванецкому?

— Он необычайно талантлив, но играть вещи Жванецкого я бы лично не смог. То, что он пишет, — слишком плотная литература для актерской выдумки и импровизации. Пожалуй, самый любопытный из наших авторов — это Аркадий Арканов. Его нельзя назвать только лишь юмористом-сатириком. Разумеется, он умеет писать смешно, но вместе с тем в его вещах звучат лирические ноты, пронзительная внутренняя боль, и это придает им ни с чем не сравнимое своеобразие. Сейчас Арканов пишет для нашего театра новую пьесу-фантазмагорию. Уверен, что работа над ней будет чрезвычайно интересна.

— Как-то раз в статье известного актера прочитал, что всякий актер рано или поздно

начинает стремиться к режиссуре. А другой не менее известный актер во время выступления на телевидении доказывал прямо противоположное. Причем оба в своих суждениях были категоричны. Кто из них, на ваш взгляд, прав?

— Думаю, универсального ответа здесь нет.

Есть актеры-исполнители, созданные для того, чтобы воплощать (иногда даже гениально) чужой замысел. Это не хорошо и не плохо, просто они такие, какие есть, и другими быть не могут.

А есть совершенно иные складу люди. Они словно бременеют ощущениями жизни, им тесны чисто исполнительские рамки. К тому же нельзя забывать, что актерская судьба, как правило, складывается трудно. Получить роль, о которой мечтаешь, удается далеко не всегда, а если и получишь, то повезет ли с партнерами, с режиссером? Ощущение нереализованности, невыявленности замысла мучают артиста. Режиссер же дает самостоятельность, возможность высказать наблевшее.

— А что толкнуло на режиссерское поприще вас? Ведь в обоих спектаклях, привезенных театром миниатюр в Волгоград, вы являетесь сопостановщиком. Да и на репетиции действовали не столько как актер, сколько в качестве режиссера...

— Пожалуй, мой случай — особый. Руководить театром нелегко; отцу нужен помощник, опора. И в человеческом, и в профессиональном отношении. Долгие годы им была мама, теперь настал мой черед.

Для меня это большая честь — быть помощником отца. Десять лет из своих четырнадцати «театральных» я проработал в «Современнике», хотя все эти годы, казалось бы, мог играть на одной сцене с отцом. Почему? Причина одна: нужно было сначала заслужить право работать вместе с ним.

Всякий, кто пробует свои силы в театре, начинает с нуля. Я же, образно говоря, начинал с минуса. Как ни парадоксально, минусом была фамилия, которую я носил с рождения. Но лишь теперь эта фамилия стала моей. Немножечко, на процент, но моей.

— В составе вашей труппы много молодых актеров...

— Театральный коллектив может выжить лишь в том случае, если в него периодически будут вливаться новые силы, новые поколения. Марина Голуб, Леонид Тимцуник, Сергей Урсуляк, Наталья Аитова, Лидия Петракова, Татьяна Морозова — способные ребята, работать с которыми по-настоящему интересно.

— И последний вопрос. Как и первый — традиционный. Что бы вы хотели пожелать читателям «Молодого пенинца»?

Вместо ответа Константин Райкин берет лист бумаги и, задумавшись на две-три секунды, быстро пишет.

Интервью вел
А. ДОМОВЕЦ.

*Это-то
сказал, это слышь —
Это не станция назначения,
а способ нутнешествовать.
По-моему, замечательно верно.
Будьте счастливы.
К Райкину.*